

Ах, какая прелесть! Снова выходные! Так приятно ощутить себя одновременно и нужным своей стране человеком, специалистом, и свободной на эти два дня просто женщиной. Я еду в гости к своему дяде Фёдору, брату моей мамы, в посёлок. Это недалеко от нашего города. Когда дядя потерял свою жену, мама просила меня чаще бывать у него, чтобы ему не было скучно. Детей у них не было, он жил один в доме. Я бывала у него не каждые выходные, но приезжала всегда с удовольствием. Старалась помочь по-женски: постирать, наготовить поесть, помыть, на что дядя смотрел иронично. Я понимала, что он и сам со всем хорошо справлялся. У него всегда было чисто и было что поесть.

Вот и остановка. Я выхожу из автобуса.

— Привет, Барсик! Хорошая собачка! Я тебе рада!

Так я приветствую пса, сидевшего на остановке и внимательно осматривавшего выходящих пассажиров.

Он поднялся, как мне показалось, улыбнулся и подошёл, именно подошёл, а не подбежал, ко мне, лизнул мою протянутую руку и затрусил неспешно, гордо рядом, оглядывая окрестности и поглядывая на меня.

До дома дяди Фёдора было недалеко, и скоро мы вошли в калитку. Дядя Фёдор встретил нас во дворе, приветливо поднялся к нам навстречу. Пёс подбежал к нему, как бы говоря: «Я сделал это! Я встретил её!» Потом подошёл к своей чашке, полакал воды и разлёгся в тени дерева.

— Приехала? — сказал дядя. — Вот и хорошо! А то Барс совсем заскучал, каждый день тебя встречать бежал.

— Прямо уж — меня. Наверное, к своей подружке бежал, — улыбаюсь я довольной.

День был летним, но не жарким. Идти в дом не хотелось, и я поставила сумку рядом. Присела на лавку рядом с дядей. В тени деревьев слегка потягивало ветерком.

Дядя Фёдор у нас мастер на все руки. И столяр, и плотник, и рисовать охотник. В доме, построенном им самим, настоящий музей. Всё здесь сделано его руками, порой так замысловато, что диву даёшься, откуда он и материал берёт. А вот вообразит себе что-нибудь и пока не выкует, не сварит, не склеит — не успокоится. Сейчас он крутит в своих руках какую-то сучковатую палку и мысленно прикидывает, что могло бы из неё получиться.

— Дядя Фёдор, я давно хотела спросить, всё не получалось: а какой породы наш Барс? Шерсть короткая, голова как у овчарки, ноги прямые, высокие, хвост голый. Я фотографию его показывала нашим ребятам, такой спор разгорелся, так и не решили.

— И-и, милая! Масть у Барса особенная,— ответил дядя.— Он у нас из дворян. Дворянской масти!

Я захлопала глазами и уставилась удивлённо на пса. Вот это да! Дворянин.

— А что это такое?

— А это, дорогая моя племянница, вот что. Это когда не знаешь толком, кто отец,— дядя улыбался.— Псов бегало много за матерью-сукой, а вот кто из них отец, и сама мать не знает. Как у соседки нашей Ксюши, ты её видела, знаешь, в этом году второе дитя народилось, а отца нет. Пьянки, гулянки, мужиков много, а кто отец детям, мать не знает. Вот они, дети её, тоже — дворяне. Смотри, племянница, мы с Барсом за тобой внимательно следим, блюди себя! Мы — люди простые, нам дворян не надо. Хватит одного Барса!

Барс при каждом упоминании его имени хлопал хвостом, поднимая столбик пыли. Соглашался, значит.

Я открыла сумку и достала пряник. Разломила, половинку положила в рот себе, а вторую бросила собаке. Барс подхватил на лету, сглотнул сразу, не разжёвывая, и облизнулся. Глаза его маслянисто блеснули.

— Расскажи, дядя, как ты его нашёл?

— Да я вроде уже рассказывал, не помню. Дело было позапрошлым летом. Стало быть, ему сейчас два года уже как. Ты

же тогда тоже была у меня. Али забыла? Шёл я берегом ручья. Глядь, комочки плывут спинками кверху. Видно, у кого-то сука оценилась, а хозяин решил утопить щенков, пока не прозрели, и бросил их в воду. И лишь один живой, мордашка кверху, глаза слепые, а барахтается. Вот за эту волю к жизни я и пожалел его. Вытащил, завернул в кепку и принёс домой. Поначалу пробовал накормить его из пипетки, что была в аптечке, плохо получалось. Потом спринцовкой маленькой... Намаялся с ним, как мать с дитём. Через неделю, как глаза открылись, стал я мордочкой в блюде его тыкать, чтоб привыкал. Надо сказать, какой сообразительный был щенок. На лету всё схватывал и запоминал. Дворянин, как же! Они все такие. Сначала назвать хотел его Бобиком: «Бобик! Бобик!» Никакой реакции. Я ж не знал, каким он вырастет. Потом подумал: как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Назову его Барсом. Позвал его громко: «Барс!» Щенок голову поднял и смотрит на меня. «Ну, раз понял, быть тебе Барсом!» С тех пор так и повелось. А он гляди как вымахал. Высокий, гибкий, точно — Барс, хоть и голова как у овчарки. Все другие собаки — в стороны, когда он идёт. Голова гордо поднята, уши торчком, глаз зоркий. Ну дворянин, что скажешь. Я его иногда Баринком зову. Не обижается.

Я снова взглянула на Барса. Лежит, морда на лапах, слушает и, я вижу, улыбается. Всё понимает. Дядя Фёдор откладывает свою палку в сторону: похоже, уже определился, что из неё получится.

— Пошли в хату, племянница, пора покормить тебя, поди проголодалась. Там на столе крошка в кастрюльке, соседка баба Вера принесла, и пирожки с капустой.

Я поднялась. Барс тоже встал на лапы и вопросительно посмотрел на меня и на дядю: идти или не идти?

— А ты охраняй, Барс. У тебя должность такая. Ты на работе.

Пёс понимающе присел на задние лапы и не тронулся с места.

— Какой молодец!

Я обняла его за шею. Пёс ласково лизнул меня в щёку.

На душе было спокойно и радостно. Как хорошо приезжать в гости к родным, где тебя любят и ждут!